

Юлия Верхоланцева

Пенсильванский университет, Филадельфия, США

juliaver@sas.upenn.edu

—
24

**Между латинским и церковнославянским:
пути зарождения литературы на народном языке
и вопрос национального нарратива на примере
истории письменности и литературы
Чехии, Хорватии и Польши**

Доклад представляет собой размышление о различных путях развития литератур в Богемии, Хорватии и Польше. Несмотря на юрисдикцию Западной церкви, Кирилло-Мефодиевская миссия создала предпосылки для укоренения славянской письменности в Богемии и Хорватии. В то время как в Хорватии славянская письменность пустила корни, в Чехии славяноязычное население выбрало латинскую книжность. Зарождение и развитие литературы на территории Польши, куда скорее всего не дошла волна Кирилло-Мефодиевской миссии, представляет собой третий сценарий. Изучение различных условий, повлиявших на выбор языка грамотности и принадлежности к литературному сообществу, мне видится как возможность задуматься над тем, как мы изучаем и описываем литературный процесс, как мы осмысливаем историю «национальной литературы», и обязательно ли это понятие должно быть связано с письменностью на народном языке.

Ключевые слова: *чешская литература, хорватская литература, польская литература, церковнославянский язык, латинский язык, начало славянской письменности, народный язык, литературный язык, язык грамотности, литературное сообщество, национальная литература*

Одной из важных методологических задач, которые приходится решать специалистам по средневековой литературе, является вопрос о том, как адекватно изучать средневековое письменное произведение в рамках современной категории литературы и как вписать корпус средневековых текстов в нарратив об истории литературы на национальном (народном) языке. Смежным с понятием литературы можно считать и понятие литературного языка, а также его отличие от языка письменного, который характеризует письменность как технологию. Достаточно ли считать письменный язык литературным, если он использует образную лексику, синтаксические структуры и риторические приемы, которые выходят за рамки однозначного употребления и характерны для грамотности, или необходимы дополнительные критерии? Но еще более непросто является ряд вопросов о том, что должно произойти, прежде чем мы находим возможным объявить появление новой литературы, которую мы рассматриваем не как хронологический перечень литературных произведений, а как *динамическую систему*, в которой тексты находятся в парадигматических отношениях между собой. Как человек пишущий – *homo scribens* – начинает сочинять художественные тексты, и как человек читающий – *homo legens* – участвует в этом процессе? Как формируется новое пишущее и читающее сообщество, и что определяет выбор языка в этом процессе, если такой выбор представляется?

Для описания появления литературы мне кажется полезным различать две стадии: (1) *создание предпосылок и условий для литературного производства* (то есть появление технологий письма, письменных конвенций языка и механизмов их распространения, которые необходимы для формирования литературы как практики (например, алфавит, синтаксическая структура, литературные модели, обучение новых авторов); (2) *формирование литературного производства как последователь-*

ной практики создания литературных текстов, которые разделяют графические, лингвистические и композиционные принципы и представляют собой установленные формы.

Практически все нарративы истории литературы у славян начинаются с рассказа об изобретении письма и переводческой деятельности святых братьев Константина-Кирилла и Мефодия для введения богослужения на местном языке в Великой Моравии в 860-е гг. Согласно источникам, греческие миссионеры и их ученики перевели необходимые литургические тексты на славянский язык и записали их с помощью специально изобретенного Кириллом алфавита, который в настоящее время известен как глаголица. Моравский проект, который был задуман в духе равенства всех языков и рассматривался как осуществление вероучения о сошествии Святого Духа на апостолов и дарования им языков, заложил необходимую базу для литературного производства на славянском языке. Описание начала любой литературы похоже на разгадывание загадки и соединение далеко отстоящих друг от друга точек прямой линией. До нас дошла лишь малая доля письменных источников, которые появились в первые несколько десятилетий переводческой деятельности, но даже они охватывают впечатляющий жанровый диапазон: от паралитургических и житийных текстов до полемического трактата и утонченной поэзии. Важно помнить, что церковнославянский язык формировался в процессе перевода с позднеантичного и византийского греческого языка, а также с латинского, который уже был в употреблении в Моравии, поэтому ему присущ характер «мертвого» языка. После непродолжительного, но стремительного развития церковнославянской литературы, сторонники славянского богослужения были изгнаны из Великой Моравии, но вскоре получили возможность продолжить свою литературную деятельность в соседних славяноязычных государствах – в Болгарии, Македонии, Боге-

мии и Хорватии. В Болгарии церковнославянская литературная традиция окрепла и преобразилась, положив начало кириллической письменности.

Дальнейшие пути, размах и потенциал письменности и литературы на славянских языках зависели от церковной юрисдикции. Славянские православные церкви, находившиеся в сфере влияния Византии, продолжили выполнение литературной программы, начатой в Великой Моравии. Славяне Балкан и центральной Европы, находившиеся под юрисдикцией Западной церкви, восприняли обряд и литературу на латинском языке. Однако их литературы развивались различным образом. Например, оказавшись между церковнославянской и латинской книжностью, чехи и хорваты сделали противоположный выбор: несмотря на то, что латинская книжность занимала привилегированную позицию, хорватам удалось сохранить славянское богослужение и развить литературу на славянском языке (став на долгие годы единственным сообществом на латинском Западе, соблюдающим обряд не на латинском языке), тогда как в Богемии после непродолжительного противостояния славянское богослужение и связанная с ним литература потерпели полное поражение и исчезли к концу XI в. В польском королевстве, куда скорее всего не дошла волна кирилло-мефодиевской миссии, латинская литература не встретила серьезного сопротивления со стороны славянского языка. Она даже задержалась на более долгий срок, чем в Богемии, где уже в начале XIV в. развивается многожанровая литература на чешском языке, а к XV и XVI вв. чешская литература становится образцом для развития литературы на польском языке.

Сопоставляя предпосылки и условия возникновения вышеуказанных литератур, мы яснее видим, что выбор между родственной славянской и неродственной латинской грамотностью (*literacy*) у различных славяноязычных народов зависел от целого ряда факторов: догмати-

ческих и церковных соображений, политических конфликтов, социальной динамики и – нельзя забывать – от человеческого фактора.

Положение литератур на народных славянских языках между латинским и церковнославянским, выступающими в качестве литературных моделей и агентов грамотности, позволяет выделить несколько парадигм литературного развития. Одним из фундаментальных различий между моделями развития чешской и хорватской литератур является различная база литературности, послужившая одной из предпосылок создания литературного языка. В основу хорватского литературного языка легла церковнославянская грамотность, а чешский литературный язык воспользовался принципами латинской (и в некоторой степени немецкой) грамотности. В случае польского литературного языка чешские модели имели важное значение. Кроме того, в отличие от латыни, церковнославянский язык, несмотря на свою искусственность, будучи языком родственным и относительно понятным, «воскрес из мертвых» благодаря употреблению в среде народных славянских языков, привел к возникновению локальных литературных вариантов (также называемых в специальной литературе «редакциями», «рецензиями» и «версиями»). Хорватский вариант церковнославянского представляет собой особый случай, поскольку имеет свою уникальную графическую форму – глаголицу. Уже на раннем этапе его развития источники называют этот язык хорватским.

Неоднозначные взаимоотношения между народным языком и его литературными моделями (будь то латынь или местный церковнославянский вариант) заставляют нас задуматься о том, что необходимо не только соответствующим образом учитывать их роль в формировании литературы на народном языке, но и вписать их в общепринятый нарратив истории национальной литературы, который часто строится исключительно вокруг траектории народного языка. Один из вопросов, кото-

рый бы мне хотелось предложить для дискуссии – это вопрос о том, как понимание литературы как динамической системы способствует нашему представлению о том, как концептуализировать историю литературы на народном языке? Какие критерии помогут нам учесть все факторы формирования литературного мышления авторов и соединить все точки в последовательный нарратив, если таковой возможен?

–

29

–

Julia Verkholtantsev

University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

juliaver@sas.upenn.edu

Between Latin and Church Slavonic: Literary Beginnings in the Vernacular and the Question of National Narrative in the Literary History of Bohemia, Croatia, and Poland

The paper is a reflection on the differences between the development of Czech, Croatian, and Polish literatures. Despite the jurisdiction of the Western Church, the Cyrillo-Methodian mission created conditions for the adoption of Slavonic writing in Bohemia and Croatia. While in Croatia Slavonic writing gained traction, the Slavic-speaking community of Bohemia chose to adopt Latin as the sole literary language. The literary beginnings in Poland, which had most likely not been affected by the Cyrillo-Methodian mission, represents yet another scenario. The study of different conditions leading to the adoption of a language of literacy and textual community presents an opportunity to ponder how we study and describe a literary process in general, as well as how we understand the concept of a “national literature” and whether this concept should apply only to literature in the vernacular.

Keywords: *Czech literature, Croatian literature, Polish literature, Church Slavonic, Latin, introduction of Slavonic writing, vernacular, literary language, language of literacy, textual community, national literature*